Гай РОТЕРИ
Флоренс БЕННЕТ

ЗОЛОТОЙ ВЕК АМАЗОНОК

Всемирная история (Вече)

Гай Кадоган Ротери

Золотой век амазонок

«ВЕЧЕ»

Ротери Г.

Золотой век амазонок / Г. Ротери — «ВЕЧЕ», — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-7996-0

Миф об амазонках, возможно, один из самых древних в греческой мифологии. Но классическая легенда о таинственном племени грозных воительниц, смело сражавшихся с миром мужчин, волнует до сих пор ученых. Следы амазонок разных народов ученые обнаруживают почти на всех континентах. Археологи находят древние захоронения женщин-воинов, их оружие и украшения. Однако, несмотря на поразительные открытия и смелые гипотезы, до сих пор неизвестно – существовало ли государство амазонок, описанное греческими авторами, действительно ли армии амазонок угрожали Афинам и защищали Трою, каким богам они поклонялись. Об этом и о многом другом рассказывает книга Г.К. Ротери и Ф.М. Беннет.

ISBN 978-5-4484-7996-0

© Ротери Г.
© ВЕЧЕ

Содержание

Гай Кадоган Ротери 6
Глава 1. Введение 6
Глава 2. Амазонки античности 15
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Гай Кадоган Ротери, Флоренс Мэри Беннет
Золотой век амазонок

© Соколов Ю.Р., перевод на русский язык, 2011
© ООО «Издательство „Вече“», 2019
© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Гай Кадоган Ротери
Часть I. Амазонки

Глава 1. Введение

Должно быть, поэзия греческого гения никогда не проявлялась более ярко, чем в мифе об амазонках. Она придала очарование этой удивительной истории, принесшей весьма обильные результаты. К сожалению, узкие рамки поэзии несколько затруднили восприятие ее чрезвычайно интересного психологического аспекта. И все же для нас основное значение этого мифа заключается прежде всего в том, что он проливает свет на менталитет древних народов, на отношение человека к явлениям, опасным для него и загадочным. Однако этот свет не является полностью всеобъемлющим как влияние эллинского искусства и литературы, проявлявшееся в виде многочисленных произведений, проникнутых красотой и гуманизмом. Действительно, дух Греции, обратившись к собранию грубых историй, обработал их и изменил – тот смысл, который они должны были преподавать. Ибо, как мы попытаемся показать, смысл мифа – в предупреждении народа, находящегося на трудном пути к высотам цивилизации, о том, что надо опасаться варваров и их обычаев. Миф был превращен в восхищение перед физической красотой и отвагой, пронизан нежностью к женщине, пусть она и была зачинщицей войны.

Мы можем без колебаний отмахнуться от повести о противоестественном государстве, которой нас потчуют многие из греческих поэтов и историков. Однако, относя государство амазонок к области воображения, мы должны признать, что амазонки как таковые отнюдь не являются незначительным историческим фактом – напротив, ему хватило силы породить целый фантастический мир, достаточно реальный для его первоначальных творцов, и не утративший своего обаяния и по сию пору.

Этимология не сможет сколько-нибудь помочь нам, хотя полемисты на нее полагаются. Любой аргумент, основанный на описательной природе этого слова или на его несколько подозрительной многосторонности, должен оказаться обоюдоострым оружием, одинаково опасным как для того, кто воспользуется им, так и для его противника. Помимо таких очевидных толкований, как «лишенные груди» (а-мазон) и «луна» (маза), мы имеем самые разнообразные интерпретации, доносящие до нас различные значения: «весталки», «носительницы поясов», а также «поедательницы дичи» и «поедательницы острой пищи». Однако, в конце концов, слово это является гибридным в греческом языке и, не будучи туземным названием, может рассматриваться как прозвище, значительно уступающее в возрасте предположительно существовавшему государству. В таком случае его можно считать описательным в той самой мере, которую только способен изобрести человек. И потому мы имеем право со спокойной совестью оставить этимологов в лабиринтах родной им словесной войны.

Наша повесть вполне рациональным образом начинается с явления, знакомого множеству народов: с изгнания в новые регионы населения, появившегося в результате излишнего прироста. В данном случае мы имеем в виду интригу, затеянную против двух молодых скифских князей: после того как им было приказано отправиться в ссылку, они удалились с большим числом последователей – мужчин, женщин и детей. Повесть рассказывает о том, как изгнанники осели на новом месте, как отбросили старинную скифскую простоту, покоряясь растущему стремлению к богатству, повлекшему за собой завоевание и гибель мужчин от рук разъяренных соседей. Убийство мужей и отцов пробудило в сердцах вдов и сирот чрезвычайный гнев, сперва направленный против тех, кто осуществил такое деяние, а потом против мужчин вообще, и приведший впоследствии к возникновению государства, лишенного пред-

ставителей сильного пола. Женщины отказывались от своих поясов, считавшихся бесценным символом незамужней особы, лишь весной – на короткое время, они вступали в кратковременное общение со своими мужественными соседями, чтобы предотвратить вымирание народа.

То, что подобный миф возник и заслужил доверие, понять нетрудно. Обитатели Архипелага и Великой Греции, какого бы происхождения они ни были, видели в далекой Азии и регионах, расположенных к северо-востоку от Черного и Каспийского морей, земли, полные тайн и опасностей, края, порождавшие свирепые орды, являвшиеся, чтобы насиловать и грабить. За границей, проходившей по ближним средиземноморским берегам, лежали миры тьмы, которые плодовитый греческий ум населил многочисленными, неестественными, но вполне логично созданными чудищами, ибо творцы мифов едва ли могли освободиться от влияния анимистического восприятия природы. Все явления объяснялись через человеческие эмоции, и человек толковал себя через связь – не всегда в качестве высшей стороны – со зверями, и даже деревьями и камнями. Такие люди увидели в кочевых племенах, являвшихся в облаках пыли из песчаных азиатских пустынь на быстрых конях, чтобы убивать, грабить и сразу же исчезать, кентавров – мифических конелюдей, прячущихся в лесах и готовых нападать на зазевавшегося. Обитатели лесных краев, чьи вылазки были не менее опасны и неожиданны, чем схватки с дикими вепрями, естественным образом превратились в сатиров. А тот, еще более древний ужас, который воплощали в себе стада диких быков, ужас свирепого и непобедимого натиска, породил хитроумных крылатых человекобыков Ассирии. Последовательные волны вторжений, накатывавшихся на море с северо-востока, сделали Скифию постоянным источником опасности, и когда воды отлива уносили с собой население побережья на северо-восток, люди эти оказывались в негостеприимной стране. Ее угольные озера и маслянистая почва извергали огонь, дым и пар, самым зловещим образом намекавшие на то, что должно было скрываться за ними. Надо всем нависали зубастые черные горы, населенные народом свирепых воителей, даже их женщины сражались с яростью львиц. Эта вечная угроза, смутное воспоминание о предыдущей стадии развития, когда в обществе доминировал матриархат, смешивалась с более свежей и жуткой памятью о поклонении жестокой и чувственной Астарте, богине луны и охотнице, явившейся с востока обагренной человеческой кровью в окружении жриц. Все вместе превращалось в идею истинно ужасного государства, само существование которого являлось постоянной угрозой для всего человечества. И в самом деле, население амазонок составляли женщины-воительницы, которыми управляла царица, изгонявшая всех мужчин, кроме некоторого количества рабов. Государство, скрепленное воедино намерением вести войну против всех, идеальным образом символизировало собой то зло, с которым приходилось сталкиваться Греции. Ибо миф повествовал не просто о войне, но войне неестественной, которая в случае победы амазонок знаменовала бы уничтожение семьи и общества.

Предание это символично, с какой бы стороны на него не посмотреть. Стоит отметить тот факт, что в некоторых легендах амазонки считаются почитательницами Артемиды, в то время как в других они предстают смертельными врагами этой богини и ее сторонников. Искусство изображает женщин-воительниц с лунными полумесяцами на головах, а иногда в трехъярусной короне. Щиты их имели либо форму полумесяца, либо были круглыми, и вместе с копьями, луками и стрелами представляли собой эмблемы лунной богини-охотницы, принимавшей то облик свирепой Астарты, то соответствовавшей ей эллинизированной и более гуманной Артемиды. Это вполне естественно для государства, население которого живет занятиями спортом и войной, видит свой долг в принесении в жертву младенцев мужского пола, использует для питья человеческие черепа, подозревается в каннибализме и поклоняется Астарте, ранняя история которой буквально пропитана кровью жертвоприношений и ритуальных увечий, богине, символизировавшей ту стадию развития общества, на которой охота на диких животных имела чрезвычайно высокое значение. Очевидный конфликт между противоречивыми вариантами мифа вне сомнения рожден происшедшим в дальнейшем смешением обоих ликов

этой богини. Ранние формы легенды вполне согласуются с общей тенденцией, связывающей воинственных женщин с богиней, которая во времена упадка ее культа в Малой Азии символизировала крайнюю степень похоти. И здесь возможно, что миф основывался на подлинном факте, ибо весьма вероятно, что дикие орды скифов поклонялись некоему прототипу Астарты. Ее почитание, вне сомнения, имеет восточное происхождение; и таким образом появляется еще одна причина, объясняющая возникновение той смеси тревоги и отвращения, с которой греки взирали на северо-восток. К числу великих городов античности, основанных, как утверждают, царицами, приведшими свои рои из великого прародительского улья – государства амазонок, принадлежал Эфес. Нам известно, что в его прославленном храме Дианы (Артемиды) служили жрецы-евнухи; вероятно, там находились изваяния амазонок, созданных резцами величайших греческих скульпторов. Хотя служители ее и вопили: «Велика Артемида Ефесская[1]», богиня эта на самом деле представляла собой смягченную версию Астарты, укрощенной влиянием греческого искусства и мысли. Существенное значение имеет и тот факт, что в ранних вариантах мифа амазонки и грифоны изображаются непримиримыми врагами, тогда как сюжеты позднего искусства связывают женщин-воительниц уже с кентавромахией и гигантомахией, что уводит нас в область фантазии.

Все это, конечно, не отменяет тот исторический факт, гласящий, что воительницы-женщины являлись именно из этих неведомых регионов иногда по одиночке и становились предводительницами, а иногда приходили целыми отрядами и поступали на службу в качестве рядовых бойцов и лагерной обслуги. Подобное явление, на самом деле, едва ли можно приписать одному только времени или историческом региону. Например, в Британии сохранилась память о доблести, проявленной Боудиккой, королевой иценов, о ее внезапном появлении на исторической арене, приведшем к избиению римских легионеров, об осаде римских лагерей и городов и о ее благородной кончине. История и искусство повествуют нам о германских и галльских женщинах, сражавшихся против римлян. Подобные ситуации повторяются снова и снова. Французская революция в 1792 году сопровождалась образованием отряда новых амазонок. Не безынтересно заметить, что достойный французский историк за несколько лет до этого утверждал, что франки являются прямыми потомками амазонок Сарматии. Женский отряд восемнадцатого столетия состоял из матрон предместий Галле и Фобург Сент-Антуан, ощутивших в крови жар убийства. Разодевшиеся в соответствии со смутными представлениями о классических временах (той героической поре, которая воспламеняла мысли всего революционного поколения) в короткие юбки, красные фригийские колпаки, они вооружались весьма делового вида пиками. Плутарх сообщает нам о доблестных жительницах Аргоса, столь удачно защищавших свой город от спартанцев, что им было позволено посвятить статую Аресу, кроме того, они получили право в день своей свадьбы носить накладные бороды.

Однако в отношении боевой доблести мы располагаем куда более пикантным инцидентом, повествующим о Фалестриде, представшей перед Александром, войско которого возвращалось через Парфию сразу после завоевания Персии и поражения от скифов. Царица эта вполне могла явиться во главе легиона своих воительниц-женщин, чтобы поклониться завоевателю, хотя титул «царицы амазонок», возможно, является украшением, дарованным ей впоследствии греческими историками. Конечно, Плутарх считает всю эту историю вымышленной и цитирует Лисимаха и самого Александра в поддержку своего мнения. Им мы можем противопоставить рассказы о вторжении в Персию во времена Кира «варваров», возглавлявшихся женщинами. Слухи о воинственных «дамах» постоянно циркулировали в Азии, и традиция эта находит свое комическое завершение в батальоне из 150 амазонок, охранявших в Лахоре Ранджита Сингха. Путешественники сообщали о существовании на Кавказе отрядов воительниц еще в относительно недавние времена, однако эти группы являлись частью общества, а

[1] Деяния Апостолов, 19: 34.

не представляли собой женское государство. Традиция распространяется и на запад, так как воинственные женщины обнаруживаются на территории Богемии в VIII веке, и мы располагаем сообщениями о попытках установления ими матриархата.

Известия о наличии амазонок в Африке относятся к ранним временам, и возникновением своим они обязаны отчасти реально существовавшим великим царицам и их женской страже. Однако все подобные рассказы бесспорно расцвечены греческим мифом. Нам известны повествования об амазонках, обитавших в регионах, расположенных к юго-востоку от Египта, а также в другой стране ужасов, которую столь наглядно описала леди Лугард. Расположена она к югу от цивилизованной части континента и населенной народом ням-ням, лем-лем, рем-рем, дем-дем или ньям-ньям (дикари и по сей день любят подобные названия). К этим словам, оставивший сообщение автор всегда прибавлял: «которые едят людей».

Любопытно, что греки упоминают об африканских амазонках, обитавших на востоке и севере континента и завоевавших Азию, а также о великом вторжении воинственных женщин, направленном из Эфиопии на запад. Некоторым даже хотелось бы заставить нас поверить в то, что эти амазонки являлись потомками скифских воительниц, переплывших Средиземное море, миновавших Гибралтарский пролив и добравшихся до Гесперид, откуда они атаковали Эфиопию, после чего в направленном на восток походе вступили в Египет, перебрались на Ионические острова и в Азию. Там в итоге они были побеждены Гераклом. Весьма любопытная история об этом вторжении связана с союзом, заключенным с Гором, сыном Изиды, богини солнца, супруги и преемницы первобытного бога луны и зерна, а также великого царя Осириса, связанного с человеческими жертвоприношениями и ритуальными увечьями. Нынешние представления об истории части Африки, расположенной к северу от экватора, указывают на наличие постоянного проникновения на континент с востока людей азиатского происхождения, осуществлявшегося через Аравию и далее на запад. Эти африканизированные азиаты, по всей видимости, считали, что постепенное проникновение в глубь континента через средиземноморское побережье происходит достаточно медленно, и, захватив берега Атлантики, отправились на восток – навстречу своей шедшей от Нила родне. Если воительницы пришли с захватчиками, то воистину являлись потомками амазонок, любительницы копья много столетий сражались бок о бок с собственной жестокой родней мужского пола. Или же цивилизованные египтяне и берберы осторожно продвигались в вечной борьбе с чернокожими ням-нямами, то есть людоедами, обнаруживали земли, заселенные вооруженными девами, готовыми преградить им путь? В подобном случае имел место спонтанный рост, впоследствии преувеличенный греческими риторами. Не сомневаться можно лишь в том, что мы располагаем ранними свидетельствами, доказывающими существование боевых отрядов африканских женщин. Среди них наибольшей известностью обладают склонные к бесполости королевские гвардии Конго и Дагомеи, далее с меньшей определенностью знакомые нам воительницы из матриархальных стран восточной стороны материка. Однако достойных доверия упоминаний о лишенном мужчин и управляющемся женщинами государстве просто не существует.

Неизбежным образом оказалось, что Америка располагает собственными амазонками не только вооруженными до зубов, но имеющими собственное, свободное от мужчин государство. Над Европой пятнадцатого столетия властвовал греческий дух. И побуждаемые им европейцы отправились на запад не для того, чтобы открыть Новый Свет, но чтобы отыскать кратчайший путь в Индию, к ее беспредельным богатствам, чудесам и чудовищам, о которых сообщали древние. Мечты о погибшей Атлантиде, якобы существовавшем великолепном острове-континенте, месте нахождения елисейских полей, таинственном золотом мосте между Африкой и Индией, были постоянным наваждением европейской культуры. Существование Атлантиды прекрасным образом разрешало множество недоумений, служило подтверждением многих умозрительных теорий. Соответственно ранние путешественники из многих стран, но в особенности те, кто находился в близком контакте с арабской цивилизацией, получившие от

нее интеллектуальный стимул, воспринимали мир искаженным образом. Причиной тому служили предвзятость мнений, непостижимая доверчивость и изобильный запас суеверий. Не обязательно оспаривать повествование Франсиско Орельяны о том сопротивлении, которое оказали ему отряды вооруженных женщин на берегах Мараньона. Порядок вещей требовал, чтобы он переименовал реку в Амазонку и извлек из недр своей доверчивой памяти описание государства, в точности соответствовавшего описанию страны скифских амазонок. То, что ему вместе с многочисленными современниками пришлось сражаться с вооруженными женщинами, следует признать за факт; возможно также, что они жили отрядами или «племенами». Местный фольклор повествует о великих властительницах и предводительницах. Нам известно о существовании жриц; на некоторых стадиях развития жрец представляет собой вождя и воина. Причудливые повествования путешественников, посещавших эти края следом за конкистадорами, подозрительны как с точки зрения слишком близкого совпадения с азиатскими мифами, так и благодаря неподтвержденности многих деталей.

В данном случае можно ограничиться немногими словами в адрес исторических амазонок. Природа поведения человека в условиях стресса ныне остается и останется такой, какой была в прошлом; и находящаяся в трудном положении женщина будет иметь склонность к преувеличению человеческих страстей. Незачем, да и напрасно, обращать особенное внимание на тезис, который превосходно проиллюстрировали миф и история.

Стоит более подробно обратиться к греческому гуманистическому духу. До нас не дошло ни одного рисованного на глине или высеченного из камня изображения амазонки, хотя бы приблизительно соответствующего по времени жизни даже последнему из подлинных мифотворцев. Все скульптуры и изображения на расписных сосудах, которыми мы располагаем, принадлежат относительно более поздней поре, когда первоначальное, породившее миф явление уже отмирало. Литература, однако, дает нам некоторое примитивное представление.

Письменные источники рассказывают о буйном и кровожадном племени, склонном к каннибализму и человеческим жертвоприношениям в своей религиозной практике, отрицающем естественные порядки в обществе, живущем только войной со своими соседями, и неумолимом в своей ненависти. Мы видим, что амазонки презирают греческую культуру, восстают против греческих полубогов, подобно безумным аргонавтам сокрушают Африку в поисках предродового пояса (ибо предположение о поясе девственности у амазонок самым откровенным образом искажает действительность). Они осаждают Афины, и от взятия священного города Минервы их удерживают только дипломатические ухищрения. Длинная история эта повествует о грабежах и насилии. И, тем не менее, даже в ранних Гомеровых гимнах уже присутствует гуманизирующий дух. Ахиллес, оторванный от оплакивания мертвого Патрокла ради штурма Трои, впал в великий гнев, вызванный злобной и кровожадной царицей амазонок и ее подручными, пришедшими на помощь Приаму, которые пришли лишь для того, чтобы дать выход своей, направленной против греков ярости. Но в миг победы, когда Ахиллес уже намеревался нанести смертельный удар поверженной царице, красота ее остановила героя. Восхищенный такой воинской доблестью, он жалел о том, что рука его должна погубить такую женщину. То, что она достойна смерти, что она вынудила Ахиллеса защищаться, не изменяет всего ужаса ситуации, ибо мужчина ощущает себя неправым, каким бы ни был повод. Пафос подобной ситуации вызвал к жизни шедевры изобразительного искусства. А весь эпизод подробно описан Арктинием Милетским в его поэме «Эфиопия», продолжавшей «Илиаду» и высоко ценившейся соотечественниками. Подобное отношение к амазонкам почти неизменно обнаруживается в греческом искусстве. Мы располагаем изображениями их битв с грифонами, варварами, Гераклом, их побед и неудач, предшествовавших походу на Афины. Мы видим изображения групп и одиночных амазонок, не всегда обладающих идеальными фигурами, но превосходно развитых и сохраняющих изящество даже в конных и пеших поединках. И все же в них всегда угадывается нечто не совсем женственное. Лица амазонок обыкновенно напол-

нены силой, они прекрасны и часто не лишены нежности. Во всех произведениях, оставленных нам греческими скульпторами, не обнаруживается никаких признаков излишней мужественности и грубости, однако в них всегда присутствует намек на то, что женщины эти все же не были обыкновенными. И это самым строгим образом соответствует позднейшим греческим представлениям, видевшим в амазонках великолепное женское племя, строго подавлявшее естественные наклонности, подчиняя их интересам общества и его идеалам. Воплощение подобного отношения художниками становится вполне заметным при рассмотрении прочих примеров идеализации греками женского тела, идет ли речь о жеманящейся Венере, горделивой Диане, величественной Афине, или о женщинах более простых – смеющейся девушке или достойной матроне. Мы можем только остановиться в восхищении перед возвышенностью чувств и удивительным мастерством, с которым она донесена до зрителя. Тем не менее, при сравнении, этическое значение повестей Востока зачастую оказывается намного выше их западных аналогов. Однако в одном случае духовность эта скрыта и прекрасная мысль находит грубое воплощение; в другом – она напротив, возвышена. Мы можем продолжить сопоставление на примере населенного ракшасами Цейлона или острова Вак-Вак (повесть о котором донесена до нас арабскими источниками) с мифом об острове Ээя. Здесь жила Цирцея, окруженная очаровательными служанками и прирученными зверями, занимавшаяся, по всей видимости, как и женщины Востока, обольщением мужчин и принесением их в жертву. Насколько поэтично смягчена здесь жестокая мораль. В одном случае использован грубый и ядовитый символизм. В другом – заменившийся более мягким гуманизмом. Отчасти благодаря последнему в тех случаях, когда греческие художники изображают мужчин в качестве противников амазонок, в фигурах и чертах воинов нередко читается некая нерешительность. Они сражаются насмерть, но не ощущают ненависти, хотя, конечно, случаются и исключения. Одно из них мы видим в изображении двух всадников, представляющих собой фрагмент терракотового изваяния, находящегося в коллекции Таунли: безбородый греческий юноша склоняется вниз со спины вставшего на дыбы коня, левой рукой хватает амазонку за волосы, с силой запрокидывая ее голову назад; и пока она падает, заносит короткий меч правой рукой, чтобы поразить ее. Сцены свирепых сражений изображены на многих крупных скульптурных рельефах.

Как правило, художники словно бы стремятся в своих произведениях донести до мира ту мораль, которую они извлекли из легенд и суровой жизненной борьбы.

В мелких формах искусства, нумизматике и керамике, мы видим более близкое приближение – по духу, конечно, а не всегда по времени создания – к старинным версиям легенды. Дело в том, что произведения эти представляют собой вообще более популярную отрасль искусства, апеллировавшую к *oipoloi*. Как свидетельствует нумизматика эллинистических стран, монеты, в которых апологеты видят доказательство действительного существования государства амазонок, во многом сомнительны, поскольку значительное количество фигур, считавшихся изображениями амазонок, на самом деле символизируют гениев-покровителей городов. Из них можно извлечь немногое – как с исторической, так и с художественной стороны. Керамика зачастую груба как с точки зрения гончарного мастерства и росписи, так и эмоционального содержания. Подобная примитивность, вне сомнения, объясняется популярным характером самого ремесла, а не возрастом, поскольку мы находим во многих образцах тенденцию к усложнению рисунка: амазонки и греки не сражаются лицом к лицу, но поворачиваются и изгибаются в сложных позах, часто сопровождающихся множеством деталей. Таким образом происходит отступление от примитивных образцов. Однако подобное украшение керамики почти всегда свидетельствует об имитации, если не о прямом копировании, поскольку слишком часто принимает форму карикатур на благородный образец. В любом случае легенды предоставляли горшечникам популярные темы, к числу которых относились и амазонки, занятые своим любимым делом, – нанесением увечий и убийством. Истории о Беллерофоне, Геракле, Ипполите и Тесее воспроизводятся в бесконечном числе вариаций и со

значительным пылом. Следует отметить, что на этих росписях царицы амазонок изображаются с круглыми щитами, украшенными головой Медузы, хотя иногда маски горгоны изображены и на щитах греков, являя тем самым некое смешение идей или отражая различные моральные оценки художника. В то время как битвы происходят обыкновенно между женщинами и греками, мы иногда видим амазонок, помогающих грекам в борьбе против чудовищ, а отношение Ахиллеса к Пентесилее изображается откровенно и с некоторым сочувствием. Существует также заметное разнообразие в костюмах амазонок. Одежда их меняется от короткой туники или хитона до полной брони, с афинскими шлемами и щитами в виде полумесяцев, и далее – к персидскому типу воительницы, облаченной в тесно облегающую тело тунику и шаровары, с фригийским колпаком на голове, – наряда, удивительным образом подчеркивающего наготу их противников.

Помимо грубой работы, характеризующей большинство подобных изделий, производившихся чисто механическим нанесением повторявшихся изображений на глину, следует отметить попытки изобразить одновременно свирепость и красоту женщины.

Переходя к рассмотрению скульптур, даже самых ранних среди существующих, не следует забывать, что они принадлежат ко времени, значительно отстоящему от жизни творцов мифов, отделенных целым тысячелетием от легендарных дней силы и славы женщин-воительниц. Здесь битвы с амазонками – триумфально торжествующими или величественными в смерти – всегда выражают смешанную с уважением божественную печаль Ахиллеса. Это можно видеть даже на тех остатках фризов храма Асклепия, находящихся ныне в Центральном музее Афин, хотя эти обломки статуй изображают удивительно жизненные сцены свирепой битвы. Ваятели вложили все свое мастерство, чтобы донести до зрителя ощущение вполне достоверной яростной энергии, потоком проливающейся перед ними. Раненная в горло амазонка соскальзывает со скачущего коня. Другая, упавшая на колени, демонстрирует на своем великолепном лице смертные муки. Находящаяся же на переднем плане, уже изувеченная держится на своем вставшем на дыбы скакуне, вцепившись сильной рукой в его бока: она подняла правую руку для того, чтобы нанести удар смертоносным копьем. Оружие и большая часть руки отсутствуют, но обе груди проступают под одеждой. В каждой фигуре угадывается напряжение боя, идеальные формы тренированных тел наделены красотой. С особенной тщательностью выполнены драпировки. Хранящиеся в Британском музее скульптуры из храма Аполлона Избавителя, возведенного в Фигалии на Пелопонессе, представляют собой удивительную галерею изваяний сошедшихся в битве амазонок и греков, причем фигуры воительниц наделены приковывающим к месту очарованием как в тех случаях, когда изображают боевой пыл, так и когда в них чувствуется утомление побежденных. Эти изношенные временем и, тем не менее, великолепные мраморные плиты кроме жестоких поединков передают множество трогательных сцен. Одухотворенные персонажи расположены так, чтобы можно было полностью оценить опасность, напор и тяжесть сражения. Раненую амазонку, конь которой споткнулся, бросив ее вперед, ухватил за правую ногу грек, намеревающийся довершить падение женщины. Другую всадницу стаскивают с коня за голову. Подобная запрокинутая, схваченная за волосы голова – чтобы лишить равновесия или нанести смертельный удар – изображена еще в трех или четырех группах, символизируя интенсивность сражения. С другой стороны, ахиллесова скорбь доминирует в нескольких сценах, хотя и находящихся с другой стороны. Амазонка уводит с поля сражения раненого грека, поддерживая его за плечи; другая воительница преклоняет колени возле раненой сестры; в третьем случае женщина останавливает рукой оружие, направленное амазонкой в поверженного врага. Следует признать, что рыцарство проявляет лишь женская сторона, но главное заключается в том, что благородство это проявлено в честной борьбе. Греческий художник не попытался умалить или обесчестить женщин-воительниц, которых он считает врагами, достойными и эллинского оружия, и уважения. Храм этот был построен Иктином, сотрудничавшим с Фидием при возведении Парфенона, и, по словам Пли-

ния, в украшении его приняли участие лучшие афинские скульпторы. Поэтому можно считать, что здесь мы имеем дело с подлинным греческим восприятием. В обоих случаях костюмы амазонок являются достаточно примитивными. Они носят короткий – выше колена – хитон, перехваченный на талии поясом и переброшенный через грудь с застежкой на левом плече. Ноги обнажены и босы, иногда на правой лодыжке показан ремешок, удерживающий на ней шпору. Шлем, если таковой имеется, принадлежит к типу Минервы. Драпировки показаны с огромным искусством, они обрисовывают и развитое тело, и свидетельствуют о напряженности битвы. Для всех деталей характерна простота, подчеркивающая физическую красоту тела. Также находящиеся ныне в Британском музее скульптуры с гробницы Мавзола, сатрапа Карии, возведенной его вдовой в Галикарнассе, принадлежат к несколько более позднему времени и обнаруживают больше вольностей и меньше утонченности в обработке. В них чувствуется влияние предшествовавших мастеров. Драпировки более длинные и обильные; добавлена свисающая с плеча хламида; однако фигуры, находящиеся в самом жару сражения, оказываются удивительным образом незадрапированными. Некоторые характерные детали возвращают нас на просторы диких скифских степей: спасающаяся с поля боя амазонка повернулась лицом к хвосту коня и целится дротиком в преследователей. Здесь подчеркнута напряженность битвы, сцены битвы наполнены яростью, но сражение это – сражение равных.

Две первые группы принадлежат к времени высшего расцвета греческого искусства, когда ощущалось влияние Фидия, Поликлета и Праксителя. Сами великие мастера не оставили известных примеров обращения к теме, хотя пять прославленных мраморных изваяний амазонок почти несомненно являются копиями оригинальных бронзовых фигур. Все пять обладают заметным фамильным сходством. Ватиканская амазонка приписывалась Фидию и, хотя она отчасти попорчена неумелой реставрацией, наделена бесценной красотой. Эта юная воительница является представительницей особого типа, отличающегося не столько внешним видом, сколько пережитым испытанием; в отличие от прочих она не ранена в правый бок. Девушка опирается на копье, которое держит в левой руке; правая рука (реставрированная), поднята над головой, пальцы ее прикасаются к верхней части копья. Не может быть никаких сомнений, что ладонь должна охватывать копье, и вся поза свидетельствует о том, что воительница готовилась вспрыгнуть на спину коня. Тело полно энергии, хотя показан тот миг, когда оно отдыхает, еще готовясь к прыжку; спокойное лицо может показаться даже милым, несмотря на твердый очерк. Амазонка изображена в коротком хитоне, перехваченном на талии и скрепленном на правом плече, оставляя открытыми часть левого бедра и груди. Заметны некоторые признаки отсутствия груди; во всем остальном это образец юного совершенства, хотя в некоторых отношениях – совершенства Адониса. Капитолийская амазонка обнаруживает больше нежности, в то время как скульптор разумным образом избежал изображения истинной женственности. Впрочем, утверждают, что голова принадлежит другой статуе. Раненая девушка, изображенная в коротком хитоне, чуть отставила назад ногу, возможно опиралась на копье правой рукой (однако реставраторы изобразили его поднятым над головой). Левая рука отводит драпировку от раненого бока. На статуе нет признаков ампутации груди; правая обнажена, но левая скрывается под драпировкой. Берлинская раненая амазонка подняла руку над головой, словно бы инстинктивно отгораживаясь ею от удара меча. Левой рукой она опирается на колонну, левая сведенная болью нога отведена назад. Однако, невзирая на явное страдание, ни члены ее тела, ни черты не искажены. Хитон достаточно короткий, верхнюю часть тела прикрывает совсем скудная драпировка, но обилие пышных складок одновременно и декоративно, и естественно. Изваяние приписывалось Поликлету, однако, скорее всего, является копией бронзового образца, который, как утверждает одна очаровательная история, входил в комплект, украшавший храм Артемиды Эфесской. Следует помнить, что в соответствии с не слишком вероятным стечением событий, о котором повествует Плиний, Фидий, Поликлет, Кресилай и Фрадмон соревновались в том, чья статуя будет признана лучшей, и каждого попро-

сили назвать победителей. Все скульпторы поставили на первое место собственную статую, а второе отдали работе Поликлета, фактически проголосовав за него. В соответствии с очень древним преданием, Эфес, вне зависимости от того, был он основан скифскими воительницами или нет, предоставил этим женщинам убежище во время трудного возвращения после неудачного вторжения в Аттику. Хотя эта повесть о соревновании обладает некоторым ароматом достоверности, мы можем извлечь из нее только то, что изваяния амазонок выставлялись в храме. Во всяком случае, подобное стремление греческих скульпторов почтить Артемиду в ее более мягкой ипостаси Помощницы свидетельствует о гуманистическом характере их искусства и может объяснить вне сомнения удивительное сходство упомянутых трех изваяний, хранящихся в коллекциях Ленсдауна и Вены. В данном случае мы, конечно, отошли очень далеко от жутких и кровожадных хищниц первобытных легенд, и даже от образа той женщины, что присутствует на страницах «Илиады».

Миф, созданный в те незапамятные времена, когда борьба велась самым жестоким образом и ее нельзя было избежать, сыграл свою роль. Когда внешнее давление ослабело и люди сделались более просвещенными, повесть эта утратила известную долю мрачности, но не растратила силы: поэт и художник сделали ее своей собственностью, извлекая из суровых подробностей новый смысл, приспосабливая мораль к более счастливой стадии развития цивилизации. Таким образом, они смягчили рассказ о жестокости амазонок, приспособив его к собственным целям, способствуя культу прекрасного путем возвышения великолепных человеческих фигур, одновременно изящных и сильных, создавая образцы для девушки и матроны, пробуждая в мужских сердцах восхищение и жалость.

Глава 2. Амазонки античности

Перелистывая работы ранних греческих писателей, мы натыкаемся на трогательное и обстоятельное повествование о возвышении и падении государства женщин. Лишившись мужей, сыновей и братьев в превратностях битвы и страдая от притеснений со стороны жестоких соседей, они взялись за оружие, чтобы отомстить за себя. Попробовав таким образом крови, эти женщины, как утверждает сказание, приобрели вкус к убийству и, покоряясь восторгу победы, решили отменить правление мужского пола, сделавшись собственными госпожами. Изгнав или искалечив тех немногих мужчин, что еще оставались среди них, они приступили к основанию государства и, либо благодаря требованиям обстановки, либо ощущая призвание к военному делу, придали последнему общенациональный характер. Чудовищный эксперимент увенчался успехом, если верить самым разнообразным писателям: границы государства чрезвычайно расширились, слава женщин-воительниц летела перед их наступающими полчищами, сея ужас в дальних странах. Время от времени они заключали военные союзы с соседними народами, чтобы облегчить проведение далеких и опасных походов. Женщины дошли на западе до Богемии (Чехии), по утверждению некоторых авторов, вступили в Галлию, достигли Средиземного моря, проникли в Индию вместе с победителем Дионисом, вторглись в Северную Африку, чтобы заключить договор с Гором, сыном Осириса и Изиды. Далее напали на Аттику, остановились перед гордыми Афинами и едва не разрушили этот город. Основали колонии в Европе и Малой Азии, построили множество известных городов. Подобная тема вдохновила поэтов на красноречие, предоставила возможность хронистам украшать ее разнообразными фантастическими узорами и подробностями; благословила кисти художников и резцы скульпторов на создание произведений, иногда гротескных, но по большей части изобретательных и хитроумных.

Повесть об амазонках на удивление лишена подтверждения со стороны памятников или других современных свидетельств, которые потребуются впоследствии. Она полна противоречий и ловушек, уготованных неосторожному, однако ее основные контуры остаются достаточно неизменными. Датировать ее невозможно, хотя многие относят указанные события к периоду, заключенному между 2500 и 1500 годами до н. э., а прочие – ко времени более раннему, что следует из упоминания о дальних походах и наличия в этих упоминаниях мифологических персонажей. Во всяком случае, в некоторое туманное время, в некотором столь же неопределенном регионе далеких земель, расположенных к северо-востоку от Кавказского хребта, среди скифов возник заговор, направленный против двух князей, носивших, как нам сообщают, имена Гилин и Сколопотос, и в результате оказавшихся приговоренными к изгнанию. Князья эти вместе с собственными семьями, со своими сподвижниками, сторонниками и приверженцами, а также их семьями – малым народом – были изгнаны за рубежи отечества и нахлынули на предгорья Кавказа могучей, вздувшейся от избытка вод рекой. Естественным образом они грабили и убивали, оседали как на высокогорье, так и на равнине, угнетая местное население. Как и следовало ожидать, последнее восстало в самый неожиданный момент, и восстание оказалось настолько успешным, что буквально стерло захватчиков с лица земли. Избиение скифских мужчин стало ужасным и проведено было со всей тщательностью, присущей тем добрым временам. Однако женщины сурового народа, успевшие привыкнуть за недавнее время к неприятностям, обрушившимся на их племя, с боями возвратились к темным горам. Изгнанные из отеческих краев, внезапно лишившиеся собственных мужчин, опасаясь унижений со стороны победоносных соседей, в полном отчаянии они обратились к мысли о создании женского государства. В качестве первого шага был объявлен священным пояс, почти повсюду на Востоке и в Восточной Европе считавшийся знаком незамужней женщины. Потом, искалечив или изгнав тех немногих мужчин, что еще оставались с ними, женщины избрали

двух цариц, попеременно ведавших то внутренними делами, то обороной. Однако от защиты отважные женщины скоро перешли к наступлению и отвоевали свои прежние дома. Подобное состояние дел естественным образом приводило к новым и новым нападениям соседей, и лишившееся мужчин государство незаметным образом обрело для себя опору в постоянных военных действиях, что с неизбежностью повлекло за собой необходимость завоеваний за пределами первоначальных границ. Отсюда на государственном уровне возникла новая проблема: время и мечи соседей прискорбным образом сокращали население, чему лишь в известной мере мог воспрепятствовать набор новых рекрутов. Следовало найти выход из положения. Поэтому периодически стали объявляться перемирия, и те из юных воительниц, которые уже убивали в бою мужчин, начали, оставив свои пояса, встречаться с соседями и заключать с ними временные брачные союзы. По возвращении они вновь надевали на себя магическое кольцо. Рожденные в таком браке мальчики, по одним сообщениям, приносились в жертву, по другим – калечились и оставлялись жить в качестве рабов или же отсылались назад к своим отцам. Девочек выкармливали кобыльим молоком, сердцевиной стеблей водных растений и при первой же возможности переводили на мясное питание. Они росли в строгости, рано приучались к трудностям походной жизни и использованию оружия с ездой на конях. Ходили в одних рубашках, защищались небольшими щитами, владели луком и стрелами, копьем и боевым топором. Чтобы иметь большую свободу при стрельбе из лука, правую грудь или ампутировали или калечили, прижигая каленым железом или плотно перевязывая; поэтому, вступив в контакт с женщинами-воительницами, греки назвали их амазонками, то есть безгрудыми. Памятуя о степи – родной земле предков, они усиленно упражнялись в верховой езде и, как утверждают, с равным успехом сражались пешими и на конях. Таким образом, ради сохранения народа предпринимались разнообразные меры.

Совершенствование военной структуры общества, представлявшей собой его экономическую основу, и прирост населения сделали необходимыми завоевательные походы. Беспокойные рои уводили за собой великие царицы. Среди этих воинственных правительниц одним из первых называется имя Марпесии, направившей свои рати на завоевание соседних царств и закрепившей свою власть над Кавказом. Поднявшись по относительно пологим северным склонам, они спустились по крутым ущельям юга и захватили Каппадокию, остановившись в итоге на Фермодоне, втекающем в Эвксинский Понт (Черное море). Здесь была сооружена столица Фемискира, ставшая второй и величайшей колыбелью этого народа. Оттуда они пробились к Эгейскому морю, прошли через большую часть Малой Азии в Сирию, основав множество городов, таких как Эфес и Смирна. Нам рассказывают об неугомонной энергии амазонок, об организованных походах, угрожавших как древним, так и находящимся только в стадии становления культурам, о стычках с вооруженными троянцами во Фригии, о походе на Египет через Сирию, о свите Диониса, прошедшей через Парфию до Индии, где, как утверждают некоторые, амазонки основали колонии, а потом, после нападений на греческие поселения, предприняли поход уже на Афины.

Древние авторы в основном считают Кавказ продолжением горного хребта Тавра, полностью находящегося в Азии. Однако некоторые из них приводят и описания первоначального дома амазонок. Плиний утверждает, что «он имеет невероятную протяженность, и разделяет безчисленное количество народов; поднимаясь возле Индийского моря, этот хребет уходит на север с правой стороны, а с левой на юг. Потом, поворачивая на запад, он рассек бы Азию посередине, если бы не море, преградившее его победное продвижение по земле. Соответственным образом, уклонившись на север и образуя дугу, он занимает значительный участок земной территории, то и дело встречаясь с морями, готовыми преградить ему путь: Финикийским, Понтийским, и в другой стороне Каспийским и Гиценийским (западная и восточная части Каспийского моря), а потом с Меотийским озером. Несколько ограниченный препятствиями хребет изгибается между морями, прокладывая себе дальнейший путь, и, наконец,

выбравшись на свободу, по плавной дуге соединяется с цепью Рифейских гор. Хребет носит многочисленные имена, и по мере продвижения вдоль него они сменяют друг друга. Первая часть его носит название Имай (Хинду Куш), после чего он последовательно называется именами Эмодом, Паропанисом, Цирцием, Камбадом, Париадром, Коатром, Орегом, Орандом, Нифатом, Тавром и, там, где он превосходит себя самого, Кавказом. Там, где хребет раскидывает свои ответвления, то и дело погружающиеся в море, он носит названия Сарпедон, Коракесий, Краг, и потом снова Тавр. Там, где он расступается и открывает проход для людей, он все равно сохраняет свое имя за воротами этих проходов… В дополнение к тому, останавливаясь в своем продвижении вперед, хребет отступает от моря и принимает на себя с обоих склонов имена многочисленных народов», так что среди прочих существовали Амазонские и Скифские горы. Плиний упоминает две горящие горы (вероятно, благодаря выходам природного газа или нефти) в Сирии. Страбон помещает амазонок в самых восточных областях Кавказа, граничащих с Каспийским морем и образующих преграду, разделяющую албанцев и иберов. Он также указывает на то, что равнины Скифии и весь берег Фемискиры, «именуемый равниной амазонок», имеют аллювиальный характер, странным образом контрастируя с их горными убежищами. Описывая современную ему географию региона, Плиний говорит: «По берегу (Эвксинского Понта) протекает река Фермодон, огибающая укрепления, называемые Фанарея (Фермея?) и подножия гор Амазонок (Масон Даг?). Прежде здесь существовал город, носивший то же самое имя, что и река, и еще пять остальных – Амазоний, Фемискира, Сатира, Амазия и Комана». Из всех них можно видеть громадные вершины черного хребта, связывающего Понт с далекими областями, прячущимися в таинственном хаосе гор, лесов, рек, морей и скучных равнин.

Многочисленные народы, населявшие упомянутую местность, равным образом вселяли трепет в душу географа. Страбон пишет: «Как говорят, амазонки живут в горах над Албанией. Надежные авторы утверждают, однако, что они живут у подножия Кавказских гор. Находясь у себя дома, они заняты тем, что собственными руками пашут, занимаются садоводством, пасут скот и, в особенности, объезжают коней. Сильнейшие среди них уделяют много времени верховой охоте и военным упражнениям». В его время люди, населявшие южную сторону Кавказа, являлись пиратами, не оставлявшими своим соседям и мгновения покоя; разделенные на небольшие племена, подчинявшиеся тиранам, они жили разбоем.

Страбон также упоминает «совершенно варварские» племена Кавказа, почитавшие Мать-Землю, а также приносившие и поедавшие человеческие жертвоприношения, хотя при этом не употреблявшие для подобных целей женщин. Очевидно, в данном вопросе почитатели земли руководствовались в первую очередь принципом сохранения рода. Подобные наклонности вполне объясняют ту честь, которую они оказывали своим старикам: их удавливали ближайшие родственники. Мужчин также съедали, а женщин возвращали в лоно великой Матери-Земли. Аналогичный подход к основному принципу природы отличал албанцев и иберов, которых многие считают ближайшими соседями амазонок. Дело в том, что эти народы, почитавшие в первую очередь двух богов – Солнце (Юпитера), вероятно являвшегося «Неизвестным Богом», Богом Создателем, и Луну, особое почитание предназначали последней, как более близкой. Возле Иберии располагался храм Луны, где жрец бледной богини почитался следом за царем, и властвовал над многочисленными и людными тропами на священной земле вокруг святилища. Многие из храмовых служителей и других людей занимались пророчествами. Тех из них, кто превращался в буйных одержимых и отправлялся в лес в одиночестве, захватывали жрецы, помещали в священные оковы и целый год содержали в роскоши. Потом такого человека выводили к святилищу и ставили перед ним вместе с остальными жертвами. Служитель лунной богини, появлявшийся из толпы со священным копьем, наносил жертвам удар в сердце, в то время как стоявший перед святилищем жрец произносил предсказания, руководствуясь характером падения и истечения крови. После этого труп уносили в специально пред-

назначенное место, бросая под ноги собравшегося народа, который получал, таким образом, возможность очиститься кровью освященного козла отпущения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.